

Вышедшая из печати книга Л.А. Беляева является первым исследованием, которое выводит средневековые русские надгробия – этот весьма специфический вид каменной пластики – из стадии накопления материала, растянувшейся более чем на столетие. Казалось бы, следовало пойти традиционным путем первичной простой каталогизации памятников, насколько можно охватывающей все существующие находки, чтобы затем перейти к их анализу. Однако самый элементарный учет надгробий (и особенно их фрагментов) оказывается бесконечным процессом, осуществление которого трудно возложить на одного исследователя. И тот путь, которым пошел автор данной книги, в конечном итоге представляется и единственно правильным, и (что не менее важно) позволяющим присоединить к решению поставленных задач усилия всех, кто проявляет интерес к изучению рассматриваемого материала.

Свои задачи исследователь четко сформулировал на первых страницах книги, объяснив их постановку прежде всего факторами практической работы археолога, оказывающиеся перед необходимостью дать истолкование внешне мало чем примечательным каменным плитам с загадочными изображениями и орнаментом. Это прежде всего – развитие форм московских надгробных плит, проблемы их генезиса и трансформации в хронологических пределах XIII–XVII вв. Вторую часть работы составляют каталог надгробных плит, собранных при раскопках и реставрационных работах, и справочный аппарат. Чтобы получить более полное представление о структуре книги, следует отметить приложенные к ее первой части несколько специальных экскурсов с более широким охватом материала по избранной проблематике. Они дают сведения о том историческом и культурном контексте, вне которого изучение русских каменных надгробий не может быть ни плодотворным, ни перспективным, если только не сводить его к простой инвентаризации находок.

Первые две главы исследования посвящены вопросам изучения и сохранения надгробий, методическим аспектам их анализа (говоря о типологии, автор вводит классификацию с учетом четырех ее видов, а по отношению ко второму из них определяет шесть групп формальных признаков); особо отмечены проблемы атрибуции и датиров-

ки, периодизации (с выделением четырех этапов).

Третья глава, посвященная древнейшим надгробиям Москвы и Подмосковья (XIII–XVII вв.), в сущности представляет опыт осмысления русского материала со всеми его типологическими особенностями в широком культурном контексте европейского средневековья. Здесь можно найти немало точных и важных для анализа наблюдений, позволяющих понять генезис мотивов, а также общей композиции типа “ось” или же известной как “три круга”. Привлечение сравнительного материала хорошо показывает его “районирование”, косвенно отражающее в определенной мере культурные векторы русского средневековья. Последнее тем более поразительно, что, как показывают известные примеры, привозные византийские саркофаги не находили на местной почве широкого отклика. Весьма существенны наблюдения, подтверждающие знакомство Руси с иерусалимскими святынями, а также возможность влияния на иконографию той трансценды Гроба Господня и плиты XII в., прикрывавшей погребальное ложе Богородицы в Гефсимании. Тем самым убедительно обоснована историкокультурная ценность памятников средневековой иконографии.

Не менее ценный и трудный предмет следующей четвертой главы книги – формирование антропоморфного надгробия на протяжении середины XIV – конца XV в. Л.В. Беляев основывает свои наблюдения опять-таки на изучении генезиса конкретных элементов формы, композиции, орнамента, открывая “глубину памяти”, о которой вряд ли имели какое-либо реальное представление московские резчики-каменотесы. Вместе с тем, именно европейская “предыстория” помогает понять роль и происхождение первоисточников, столь радикально переосмысленных в Московской Руси. Исследователь дал истолкование и мотиву Т-образного креста или посоха на рельефных надгробиях Русского Севера, с привлечением боснийских, армянских и западных параллелей.

Композиция, орнаментика и надпись в своей взаимосвязи составляют содержание пятой главы книги, сравнительно небольшой по объему и целиком построенной на тщательном анализе памятников конца XV – середины XVI в. Ее аналитический характер надо особенно оценить с учетом того, что исследователь в сущности оказывается в “замкнутом

пространстве”, будучи лишен того широкого сопоставительного материала¹, к которому мог апеллировать в предыдущих главах. Сравнительно немного может дать в этом плане и привлечение сербского средневекового материала¹, хотя учесть его не излишне. Не оспаривая осмысление мотива “свечи” и “астральной” семантики надгробия, не имеет ли смысл соотнести его с таблицами канонов Четвероангелия? Их схема, как известно, была разработана уже в эпоху раннего средневековья². В греческой художественной традиции она продолжала развиваться и эволюционировать и в эпоху Палеологов, что можно проследить по иллюминированным рукописям³. Правда, в Московской Руси она не получила отклика, но ведь распространение сюжетных изображений и орнаментики легко преодолевало языковые барьеры.

Чрезвычайной скрупулезностью отличается анализ архитектурных форм надгробий конца XVI – первой половины XVII в., являющийся содержанием шестой главы книги. Речь идет об изменении пропорций в XV–XVI вв., о первых надгробиях с каннелюрами, о мотивах каннелюр и аркад в памятниках Европы, о мотиве аркады и его семантике на Руси, о трансформации каннелюр в XVII в. и о новых элементах в оформлении верхней грани (жутовом плетении, обронной резьбе, растительном орнаменте). Наиболее ранние примеры надгробий с каннелюрами зафиксированы под 1562 г. Л.А. Беляев закономерно приходит к предположению о том, что мотив мог быть занесен в Москву прибывшими здесь итальянскими резчиками, и в таком случае мог появиться даже значительно раньше. Европейский фон не противоречит этой гипотезе, равно как и историческая схема развития мотива аркады, столь излюбленного в пластическом декоре саркофагов. Вероятно, совершенно не случайно трансформация каннелюр в XVII в. в плане утраты архитектурного смысла мотива в сущности означает деградацию орнаментальной композиции. Отмечаемый автором книги возрастающий в конце XVI в. интерес к таким компонентам в пластическом оформлении надгробия как “тяжелеющие” надписи и орнаментальная рама трудно воспринимать

иначе, чем отражение тех же тенденций, которые характеризуют художественный облик книги и образцы ювелирного искусства гоудуновского времени. Здесь же сказались и все этапы эволюции оборонной вычурной вязи, “пик” развития которой приходится именно на 1630–1640-е годы.

Трудно что-то добавить к наблюдениям Л.А. Беляева над особенностями надгробий середины XVII – начала XVIII в., изложенными в седьмой главе, в которой речь идет о новых видах памятников, о первых надписях на боковых гранях и оформлении торцов, об общем характере некрополей и о надгробиях внутри храма, о “памятных досках” и их связи с архитектурой. Однако невольно хочется все это соотнести с широко известным материалом у западных соседей, особенно в Польше, где была развита пышная похоронная церемония, в конечном итоге оставившая следы⁴. Имеем в виду надгробия и эпитафиины внутри костелов.

Объем, содержание и стиль заключения говорят о том, что автор книги предпочел детальный анализ и тонкие характеристики далеко идущим общим выводам и, надо сказать, поступил очень осмотрительно. Вместе с тем он достиг главного: осуществил изучение общего направления развития надгробной плиты в средневековой России, что, казалось бы, никак не сулило эффектных результатов. В дальнейшем можно бесконечно уточнять различные детали, характер отдельных иконографических мотивов, но вряд ли кто может игнорировать общую концепцию, построенную на прочном фундаменте разностороннего изучения культурного наследия европейского средневековья. Именно с учетом этого Л.А. Беляев имеет все основания заявить: “Оказалось, что стадии развития надгробной плиты хорошо сочетаются с общей историей Московского государства, его культуры (в том числе письменности) и особенно – московской (среднерусской) – ремесленно-художественной культуры” (с. 178). И, что весьма существенно, автор отчетливо видит перспективы дальнейшего изучения материала. Таким образом, обсуждаемая монография составляет лишь определенный, притом совершенно необходимый

¹ Максимовић Ј. Камени надгробни споменици. Прилог проучању надгробних споменика у средњовековној Србији // Зборник Музеја примењене уметности. Београд, 1975/76. Бр. 19–20. С. 7–17. Томовић Г. Морфологија ћириличких натписа на Балкану. Београд, 1974 (Историјски институт. Посебна издања. Књ. 16).

² Nordenfalk C. Die spätantiken Kanontafeln. Göteborg, 1938.

³ Marava-Chatzinicolaou A., Toufexi-Paschou Chr. Catalogue of the Illuminated Byzantine Manuscripts of the National Library of Greece. Athens, 1985. Vol. IX. Manuscripts of New Testament Texts 13th – 15th Century.

⁴ Bystroń J. St. Dzeje obyczajów w dawnej Polsce. Wiek XVI–XVII. Warszawa, 1976. T. II. С. 98–118.

этап большой многотомной работы, предполагающей и параллельное создание свода каменных надгробий.

Первую часть книги существенно дополняют пять специальных экскурсов, заметно расширяющих ее проблематику. Первый из них – “Элементы романской иконографии XII века в древнерусских изображениях Гроба Господня”. Автор не ставит своей задачей изучение всего комплекса сохранившихся каменных образцов русского происхождения, но уделяет внимание прежде всего способам оформления саркофага, особо выделяя при этом вариант в виде ряда из трех concentрических кругов или лунок. Привлечение широкого сравнительного материала из круга образов романской пластики приводит исследователя к заключению, что здесь нашло место отражение реалии – появление трансенны у саркофага в комплексе храма Гроба Господня в Иерусалиме на рубеже XI–XII вв., той самой, которую около 1107 г., видел русский игумен Даниил. Подобные реалии Палестины, как известно, в средневековом европейском искусстве получали широкое символическое истолкование⁵. Второй экскурс посвящен рельефному надгробию Ивши Ободаева в Ферапонтовом монастыре и связан с вопросом толкования трехконечного креста как посоха; третий – возможности изображения на средневековых русских плитах знака креста; четвертый – надгробию Каспара фон Эльферфельда, оказавшегося в Москве в первые годы Ливонской войны. Наконец, пятый экскурс – последний в этом ряду – рассматривает происхождение и функции надписей на белокаменных надгробных плитах Московской Руси. Самые ранние из них относятся к концу XV в. Очень существенно указание на близость форм надписей началу боснийских текстов XIII–XVI вв., с формулой: “А се лежи...”. Важен и вывод о том, что “первые надписи на плитах похожи чаще не на поминальные или мемориальные, не на обычные владельческие, которые хорошо известны по древнерусским бытовым предметам” (с. 251). Подробно проанализированы устойчивая структура текста и ее признаки в XVI–XVII вв., когда дата, по замечанию автора книги, стандартизирована, а последний элемент надписи содержит крестильное и (иногда – либо) монашеское имя погребенного (иногда – еще и прозвище). События Смутного времени, как отмечает исследователь, обусловили еще стремление указывать

на обстоятельства смерти. В XVII в. уже является стихотворная эпитафия. Вряд ли стоит подробно пересказывать содержание этого заключительного экскурса, но отметить наиболее существенные элементы его структуры, думается, необходимо. Не будем здесь касаться соотношения надгробных текстов с поминальными граффити и записями в поминальных книгах ввиду особой специфики этой проблематики. В целом экскурс точно и вместе с тем лаконично отражает процесс эволюции надписей в течение двух столетий.

Вторая часть книги – каталог надгробий, обнаруженных при археологических раскопках и архитектурных исследованиях в 1970–1980-х годах, в количестве 130-ти целых изделий либо их фрагментов, из 9-ти мест в пределах Москвы, ее окрестностей, а также из Спасо-Воротынского монастыря близ места впадения Угры в Оку, в окрестностях Калуги. Эта обширная серия надгробных плит, имеющая в своем составе и уникальные, представляет материал для будущего свода, с образцовыми описаниями, хорошими рисунками и очень качественными фототаблицами.

К тексту книги приложены краткое изложение на английском языке, обширная библиография, список сокращений, сводный именной указатель к надписям русских надгробий XV–XVII вв., общий именной указатель к тексту, географический и топографический указатели и список иллюстраций. Благодаря столь тщательно составленному справочному аппарату пользоваться книгой, при ее достаточно большом объеме и сложной структуре, легко и удобно. А пользуясь, невозможно не оценить не только объем заключенной в ней информативности, но и значение в качестве руководства, которое теперь не сможет обойти ни один исследователь материала. Конечно, книгу можно дополнять новыми наблюдениями, можно вносить некоторые уточнения в истолкования исторических фактов, но в целом труд несомненно заслуживает самой высокой оценки. И это объясняет то, что наш отклик оценки, может быть, напоминает панегирик. В любом случае сомневаться в исключительной научной ценности столь многопланового исследования и в его практической необходимости просто невозможно.

В.Г. Пуцко

⁵ *Kobielus S. Niebiańska Jeruzolima. Od sacrum miejsca do sacrum modelu. Warszawa, 1989. Kobielus S. Romanska kadzielnica z Trzebnicy jako symbol utraconego i odzyskanego raju // Biuletyn historii Sztuki. Warszawa, 1993. R. LV. Nr. 1. C. 21–27.*